

УДК 101.1:316

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «БИОПОЛИТИКА» В ТВОРЧЕСТВЕ М. ФУКО

А.В. Андреева

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проводится анализ процесса концептуализации понятия «биополитика» в трудах французского историка и философа М. Фуко. Рассматриваются содержание понятия, его трансформация в приложении к метаморфозам власти во времени, сферы и формы влияния государства на жизнь своих граждан.

Ключевые слова: биополитика, власть, система, контроль

С формированием общества эпохи модерна изменяется не только социальная структура общества, но и система потестарных отношений. Появление демографической категории «население» вызывает к жизни новый вид власти – биополитику. Управление гражданами как телами, распределёнными по определённой территории, становится важнейшей реальностью общества. Изучение генезиса феномена «биополитика», его механизмов и моделей представляется особенно актуальным в условиях современной социальной реальности.

Рассматриваемая тема опирается на современные методологические принципы, формулируемые западными мыслителями постмодерной традиции (М. Фуко, Дж. Агамбен, М. Энаф, Ю. Хабермас). Разрабатываемый данными мыслителями подход к анализу общества базируется на осмыслении социальной действительности как действительности описываемой, дискурсивной.

В качестве источника изучения данной проблемы предполагается использовать труды французского философа Мишеля Фуко, его монографию, а также ряд лекционных курсов [9; 10; 11; 12].

Комплексное социально-философское изучение феномена «биополитика» позволяет во многом по-новому интерпретировать социальные явления Нового и Новейшего времени, актуализирует научное и философское постижение, практику управления населением в современности.

Термин «биополитика» был введён М. Фуко в лекционных курсах 1970-х гг. в Коллеж де Франс, посвященных трансформациям понятия «население» в промежутке времени между концом XVIII и началом XIX в. [12]. По мнению Фуко, центральным ядром формирования биополитики оказывается то, что называется населением [там же, с. 37]. Население он трактует «как совокупность живущих рядом друг с другом живых существ, которые обнаруживают особые патологические и

биологические признаки и, следовательно, предполагают особые знания и технологии» [9, с. 474].

Для Фуко именно в эту эпоху жизнь как таковая, жизнь как чисто биологический процесс начинает управляться, администрироваться политически, становится результатом «распоряжения государственными силами» [там же].

При этом понятие «биополитика» он неразрывно связывает с понятием «либерализм», говоря следующее: «...как только мы выясним, что такое этот правительственный режим, называемый либерализмом, мы сможем, как мне кажется, уловить, что такое биополитика» [12, с. 39]. Имеется в виду либерализм, сопротивляющийся государственным интересам – или, скорее, фундаментально изменяющий их. Его сущностной характеристикой, по мнению Фуко, является становление механизмов внутренних, многочисленных, сложных, но имеющих своей функцией (здесь можно заметить отличие от государственных интересов) не столько обеспечивать рост силы, богатства, власти государства, бесконечное разрастание государства, сколько ограничивать изнутри осуществление способности управлять [там же, с. 45].

Говоря об изменении власти, Фуко поднимает и такой вопрос, как разделение властей: «...должна быть создана судебная власть, недоставаемая для непосредственного влияния власти короля. Власть, которая будет лишена всякой претензии на законотворчество; будет отделена от отношений собственности; и, не имея иных ролей, помимо судебной, будет исполнять свою единственную функцию в полную силу. Словом, судебная власть должна зависеть отныне не от многочисленных, “прерывистых”, подчас противоречивых привилегий власти суверена, но от непрерывно, сплошь распределяемых воздействий государственной власти» [10, с. 45].

Независимость судебной власти распространяется вплоть до того, что «монарх должен отказаться от права прощения, и тогда сила, присутствующая в мысли о наказании, не будет ослабляться надеждой на монаршее вмешательство... законы должны быть неумолимыми, а те, кто приводит их в исполнение, непреклонными... ни одно совершённое преступление не должно ускользнуть от взгляда тех, кто вершит правосудие» [там же, с. 53].

Произошла трансформация власти: «...где существовала драматичная, мрачная власть суверена, обладающая способностью заставить умереть, появляется теперь вместе с технологией биовласти, технологией власти, ориентированной “на” население как таковое, на человека в качестве живого существа, постоянная, ученая власть, функция которой “заставить жить”. Суверенная власть заставляла умереть и позволяла жить. А теперь появляется власть с функцией регуляции, она, напротив, состоит в том, чтобы заставить жить и позволить умереть» [11, с. 261].

В частности, по мнению Фуко, на стыке борьбы со сверхвластью суверена и с инфравластью противозаконностей возникла реформа уголовного права [10, с. 49], упомянутая чуть выше.

Большое значение в реализации биополитики он придаёт демографии и статистике как регуляторам пропорции рождений и смертей, уровня воспроизводства, роста населения и т. д. В результате становится обычным соблюдение более или менее спонтанных, более или менее конкретных правил, которые эффективно применялись к исчислению рождаемости населения, вырабатываются приемы контроля рождаемости... Появляется также проект политики рождаемости или, во всяком случае, схемы вмешательства в глобальные процессы рождаемости [там же, с. 257].

Но биополитика решает не просто проблему воспроизводства. В итоге Фуко приходит к следующему подобию определения: «...я понимаю под этим то, как начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присутствующими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство...» [12, с. 405].

Следующей очень важной проблемой, решаемой или регулируемой биополитикой, с начала XIX в. (с момента индустриализации) станет положение индивида, который выпадает из сферы трудовой активности (в частности старость, несчастные случаи, увечья, различные аномалии). Именно по причине таких явлений биополитика создаст не только институты призрения (которые существовали издавна), а гораздо более тонкие механизмы, экономически более рациональные, чем грубая, массовая, но имеющая большие проблемы благотворительность, которая, по существу, была связана с церковью. Возникнут механизмы более тонкие, более рациональные: страхование, индивидуальное и коллективное накопление, обеспечение и т. д. [11, с. 258].

Ещё одним вопросом биополитики стали отношения между человеческим родом, человеческими существами в качестве рода, в качестве живых существ, и средой их обитания – это неотрегулированные воздействия географической, климатической, гидрографической среды: например, на протяжении всей первой половины XIX в. стояли проблемы болот, эпидемий, связанных с существованием болот. А также возникла проблема среды, но не естественной среды, а искусственной, которая оказывала дурное влияние на население, среды, им самим созданной. В основном это проблема города [там же].

Таким образом, Фуко в своих трудах рассматривает понятие «биополитика» как биорегуляцию с помощью государства [9, с. 491]. Речь идёт не о том, чтобы детально рассматривать каждого индивида, а, наоборот, о том, чтобы поместить его в рамки глобальных механизмов, действовать так, чтобы достигались равновесие, упорядоченность на глобальных уровнях; следует сосредоточить внимание на жизни, на

биологических процессах человека-рода и в отношении их обеспечить не дисциплину, а регулирование, причём повсеместное и распространяющееся одинаково на всех «до мельчайшей частицы социального тела» [10, с. 45]. Например, наказание за какие-либо проступки должно быть «фиксированным, то есть определенным в соответствии с законом и равным для всех» [там же, с. 60].

К своеобразным проводникам биополитики, каналам регулирования Фуко относит уголовно-судебную систему (в том числе тюрьму как реализатор наказания), армию, лечебные и образовательные учреждения.

Например, задачами уголовно-судебной реформы в XVIII в. он считает:

- поиск новых методов регулирования наказания и адаптации его последствий,
- установление новых принципов регуляции, совершенствования, обобщения и унификации искусства наказывать,
- достижение однородности его применение,
- снижение экономической и политической стоимости наказания путем увеличения его эффективности и числа каналов.

Словом, необходимо создать новую экономию и новую технологию власти наказывать.

Эта новая стратегия легко вписывается в общую теорию договора. Гражданину предлагается принять раз и навсегда вместе с законами общества и тот закон, в соответствии с которым он может быть наказан [там же, с. 50]. Таким образом, право наказывать из мести суверена превращается в защиту общества. При старом режиме тело осужденного становилось собственностью короля, монарх ставил на нем свое клеймо и обрушивал на него всю мощь своей власти. Теперь осужденный должен быть скорее общественной собственностью, предметом коллективного и полезного присвоения. Вот почему реформаторы почти всегда предлагали общественные работы как одно из лучших наказаний [там же, с. 61].

Так же изменяется само назначение наказания: «наказание должно быть искусством последствий; вместо того чтобы противопоставлять чрезмерность наказания чрезмерности проступка, надлежит соразмерять друг с другом два следующих за преступлением ряда: его собственные следствия и следствия наказания» [там же, с. 52]. Основная же задача системы наказания «состоит не в том, чтобы изгладить преступление, а в том, чтобы воспрепятствовать его повторению» [там же, с. 70].

Тюрьма как учреждение, реализующее наказание, предстаёт «огромным, замкнутым, сложным и иерархизированным сооружением, встроенным в самое тело государственного аппарата». В отличие от «эшафота, где тело казнимого преступника предоставлялось ритуально проявляемой силе монарха» [там же, с. 64]. Появляется совершенно

другая «материальность», совершенно другая физика власти, совершенно другая манера захватывать тела людей.

Биополитика, по мнению Фуко, проводится государством комплексно, в рамках взаимодействия разных элементов системы, в частности «механизм правосудия надо усилить органом надзора, который работал бы с ним в одной связке и позволял бы либо предотвращать преступления, либо, если они уже совершены, арестовывать преступников; полиция и юстиция должны действовать вместе, как два взаимодополнительных элемента одного процесса» [там же, с. 54].

Появление биополитики предполагает превращение тела в объект и мишень власти. Признаки пристального внимания к телу – телу, которое подвергается манипуляциям, формированию, муштре, которое повинует, реагирует, становится ловким и набирает силу [там же, с. 73], наиболее ярко проявляется в следующем проводнике биополитики – армии.

Безусловно, тело не впервые становилось объектом столь жестких и назойливых посягательств. В любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательства. Но присутствует и новое:

- масштаб контроля: не рассматривать тело в массе, в общих чертах, как если бы оно было неразделимой единицей, а прорабатывать его в деталях, подвергать его тонкому принуждению, обеспечивать его захват на уровне самой механики – движений, жестов, положений, быстроты: бесконечно малая власть над активным телом;
- объект контроля: это уже не значащие элементы поведения или языка тела, а экономия, эффективность движений, их внутренняя организация;
- модальность – непрерывное, постоянное принуждение, озабоченное скорее процессами деятельности, чем ее результатом, и осуществляемое согласно классификации, практически разбивающей на клеточки время, пространство и движения [там же, с. 74].

Методы, которые делают возможным детальнейший контроль над действиями тела, обеспечивают постоянное подчинение его сил и навязывают им отношения послушания-полезности, можно назвать «дисциплинами».

Военная дисциплина характеризуется, в том числе, упорядочением времени, начинают считать в четвертях часа, минутах, секундах, проводят хронометраж стрельбы [там же, с. 81]. От формы приказа, измерявшего или подкреплявшего жесты, перешли к сетке, сковывающей и поддерживающей жесты во всей их последовательности. Устанавливается своего рода анатомо-хронологическая схема поведения. Действие разбивается на элементы. Определяется положение тел и конечностей,

суставов. Для каждого движения предусматриваются направление, размах, длительность, предписывается последовательность его выполнения. В тело проникает время, а вместе с ним – все виды детальнейшего контроля, осуществляемого властью [там же, с. 82].

Ещё одним каналом реализации биополитики являются лечебные учреждения. В организации пространств больниц, особенно военных и флотских госпиталей, Фуко видит процесс внедрения так называемых функциональных размещений. Посредством дисциплинарных институтов кодируется пространство, которое архитектура обычно оставляет свободным, предусматривая его разнообразное использование. Отводятся определенные места, что должно не только отвечать необходимости надзора и разрыва опасных связей, но и создавать полезное пространство.

Медицинское наблюдение над больными и борьба с заражением неразрывно связаны с иными видами контроля, например: военного контроля над дезертирами, налогового – над товарами, административного – над лекарствами, нормами довольствия и пайками, исчезновениями, излечениями, смертями, симуляцией. Отсюда потребность в строгом распределении и разбиении пространства [там же, с. 77].

Образовательные учреждения, в частности школа, также реализуют биополитику государства. Фуко описывает этот процесс следующим образом: «...сложный часовой механизм школы взаимного обучения приводился в действие благодаря сцеплению колесиков: самым старшим ученикам поручаются сначала простой надзор, затем контроль над выполнением заданий и, наконец, преподавание; в конечном счете время всех учеников полностью занято либо обучением других, либо учебой. Школа стала учебной машиной, где каждый ученик, каждый уровень и каждый момент, если они должным образом соединены, постоянно используются в общем процессе обучения» [там же, с. 90].

При анализе особенностей образовательных учреждений Фуко проводит параллели между школой и армией: «...муштра школьников должна производиться так же: мало слов, никаких объяснений, полная тишина, прерываемая, лишь сигналами – звоном колокола, хлопаньем в ладоши, жестами, просто взглядом учителя или маленьким деревянным приспособлением, применяемым братьями в христианских школах, – преимущественно его и называли “Сигналом”, и в своей механической краткости он содержал и технику приказа, и мораль повиновения» [там же].

Таким образом, школа взаимного обучения должна была усилить контроль над поведением путем системы сигналов, на которые необходимо реагировать немедленно.

Фуко выделяет четыре характеристики дисциплины контролируемых тел в рамках упомянутых выше организаций:

- она клеточная (пространственное распределение),
- органическая (кодирование деятельности),

- генетическая (суммирование времени)
- комбинированная (сложение сил) [там же, с. 91].

Подводя итоги исследования, Фуко отмечает «детализированность правил, придирчивость инспекций, надзор над мельчайшими фрагментами жизни и тела вскоре породят в рамках школы, казармы, больницы или фабрики секуляризованное содержание, экономическую или техническую рациональность для этого мистического исчисления бесконечно малого и бесконечного» [там же, с. 76].

В настоящее время понятие биополитики стало модным. К нему обращаются постоянно и по любому случаю, хотя имело бы смысл избегать его автоматического и необдуманного употребления. Вопросам, каким образом и почему жизнь вторгается в центр публичной сферы, каким образом и почему государство управляет ею и ее регулирует, посвятили свои работы целый ряд исследователей середины XX–XXI в.

В наши дни биополитику можно рассматривать и в качестве публичного дискурса о тех достижениях науки и техники, внедрение которых способно перевернуть привычные представления о человеческой телесности, о здоровье и болезнях. В поле зрения биополитики попадают репродуктивная медицина, генетика, исследования мозга, косметическая хирургия и т. д.

Участники дискуссий о биополитике чутко реагируют на то, что новые технические возможности ставят под сомнение традиционные репрезентации человеческой природы и ее границ. Эти новые возможности порождают моральные дилеммы и правовые коллизии, суть которых в конечном счете сводится к поиску ответа на вопрос, имеем ли мы право делать то, что мы можем сделать.

Список литературы

1. Болл Ф. Критическая масса. Как одни явления порождают другие. М., 2008.
2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М., 2013.
3. Гиряева В.Н. Биополитика в Германии: От теоретических дебатов к эмпирическим социальным исследованиям (Аналитический обзор) // Рефер. журн. Социальные и гуманитарные науки. Сер. «Социология». М., 2010. № 3. С. 128–139.
4. Гришунин С.И. Философия науки. Основные концепции и проблемы: учеб. пособие. М., 2009.
5. Крянев Ю.В., Моторина Л.Е. История и философия науки (Философия науки): учеб. пособие. М., 2011.
6. Макарычев А.С. Мишель Фуко как теоретик безопасности: критическое прочтение концептов // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 3. С. 81–90.

7. История и философия науки: учеб. пособие / под ред. А.С. Мамзина. СПб., 2008.
8. Норт Д.; Уоллис Д.; Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
9. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций. СПб., 2011.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
11. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций. СПб., 2005.
12. Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций. СПб., 2010.

CONSIDERING THE CONCEPT OF «BIOPOLITICS» IN THE WRITINGS OF MICHEL FOUCAULT

A.W. Andreeva

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to analysis of the concept of «biopolitics» in the writings of the French historian and philosopher Michel Foucault. We consider the definition, the transformation of power in time as well as scope and form of government influence on the lives of citizens.

Keywords: *biopolitics, power, system, control.*

Об авторе:

АНДРЕЕВА Алла Викторовна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: elekTra1304@yandex.ru

Author information:

ANDREEVA Alla Viktorovna – – Ph.D. student of the Dept. of Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: elekTra1304@yandex.ru